

УДК 821.161.1'06-311.6-4"198"*А.Адамович

«Военная» проза в рамках литературного процесса 1980-х гг.: художественные особенности, задачи и перспективы (на материале эссеистики А. Адамовича)

Е.Л. ГРЕЧАНИКОВА

Выявляются и анализируются основные тенденции, художественные особенности, актуальные задачи и перспективы «военной» прозы, обозначенные в эссеистике А. Адамовича 1980-х гг. (сборники эссе «Отвоевались!», «Выбери – жизнь»; книга «Ничего важнее: Современные проблемы военной прозы»).

Ключевые слова: «военная» проза 1980-х гг., эссеистика А. Адамовича, «писательская документалистика», проза нон-фикшн, «сверхлитература».

The main tendencies, artistic features, actual tasks and prospects of «military» prose, identified in A. Adamovich's essays of the 1980s, are revealed and analyzed (such works as collections of essays «Get Fought!», «Choose life»; the book «Nothing More Important: Modern Problems of Military Prose»).

Keywords: «military» prose of the 1980s, essays of A. Adamovich, «writer's documentary», non-fiction prose, «superliterature».

Один из основных проблемных вопросов эссеистики А. Адамовича 1980-х гг. – тенденции, особенности поэтики и перспективы развития «военной» прозы в рамках литературного процесса указанного периода. По мнению писателя, 1980-е гг. становятся для авторов литературы о Великой Отечественной войне временем переосмысления основных тенденций прошлых десятилетий, подведения итогов, поиска адекватных новой социокультурной ситуации форм. «Само время, кажется, примирило: почти затихли спорящие голоса в критике вокруг “окопной” и “неокопной” правды, вокруг “карты-двухвёрстки” и “глобуса”», – отмечает А. Адамович в эссе «Война и деревня в современной литературе» (1982 г.) [1, с. 26]. В то же время и «эпопейное» обобщение («...после войны, когда раны, казалось, особенно ныли, болели, там было больше не правдивой памяти, не реального чувства боли, а откровенного расчёта, стремление заново “перевоевать” войну, <...>, чтобы неудач, трагедий, жертв было как можно меньше» [1, с. 72]), и ракурс «лейтенантской» прозы («личной, солдатской и партизанской, памяти», «отрицающей прежнюю установку, безличную», «ренесанс исповедальной литературы» [1, с. 72]) как наиболее распространённые принципы создания художественной реальности представляются, по мнению автора, либо в меньшей степени актуальными, либо практически исчерпанными. В вышеназванном эссе А. Адамович указывает на ряд неактуальных явлений и предлагает перспективные, на его взгляд, «векторы» развития «военной» прозы. Так, автор негативно отзывается о тенденции романтизировать военное время: «...Солдатская память бледнеет, кровавое выпцветает до розового. Солдат уже созрел до “военной романтики”, готов морочить ею головы будущим жертвам будущей бойни» [1, с. 30]. Так, критике подвергается проза Б. Васильева 1980-х гг.: «Но ведь что-то похожее происходит и со многими авторами – с их памятью военной. Ненавидя войну, провозглашая по-прежнему своё к ней отвращение, начинают любить и лелеять... свою память о войне. Ласкать её, свою память, “лейтенантскую”, “партизанскую” – и вот уже розовое сочинительство сочится из-под пера вчерашних жестоких реалистов. Это особенно заметно в произведениях эпопейного типа. Впрочем, в повестях также – Бориса Васильева, например» [1, с. 30].

Анализируя прозу В. Быкова, А. Адамович наряду с художественными достоинствами отмечает некоторую шаблонность сюжета и конфликта: «Сколько можно, Василь? Скоро каждую новую быковскую повесть будут брать в руки не с нетерпеливым, жадным любопытством, как прежде, а с понимающе-снисходительной усмешкой: что, снова трое в степи, в лесу? Снова – “критическая ситуация”?» [1, с. 148]. Автор делает вывод о «кризисе жанра» «военной» прозы: «И когда у Виктора Астафьева в повести “Пастух и пастушка” герой уми-

рает не от ран, а от “усталости”, <...> начинаешь подозревать, что писатель уловил и выразил “усталость” самой нашей “военной” литературы. Усталость от смертей, одинаково лишённых глубины вечных вопросов» [1, с. 88].

Традиционно творческим манифестом А. Адамовича считается эссе 1984 г. «Ну так сделайте *сверхлитературу!*», в котором прописываются отвечающие «потребностям времени» задачи современной «военной» прозы. Обоснование приоритетности *гуманистической функции* искусства и *гражданской гиперответственности писателя* также находим в эссе «Overkill. Адекватна ли реакция» (1984 г.), «Логика ядерной эры и литература» (1985 г.), книге «Ничего важнее...» (1985 г.): «Вспомним *толстовское*: весь мир погибнет, если я остановлюсь! В век ядерный не обязательная ли это мера *личного писательского соучастия* во всём и *ответственности за всё...?*» [2, с. 36]; «назидательный и “беспощадный показ” того, “о чём постоянно думаем”, – *показ минувшей и грозящей войны*» [3, с. 283, 285]; «Мы ещё в состоянии написать с “чувством войны” <...>, которого уже ни у кого не будет. *Мы – последние* в этом смысле. И *спрос с нас особенный*» [4, с. 317].

В эссе «Додумывать до конца» (1984 г.) автор сообщает о работе над собственным вариантом художественной «сверхлитературы»: «С 1982 года пишу ещё одну повесть – о том, о чём и мои статьи, выступления последних лет. Хотел побыстрее написать, делать ту самую “сверхлитературу”, с которой в статьях пристаю к другим» [5, с. 8]. Речь идёт об постапокалиптической антиутопии «Последняя пастораль», опубликованной в 1986 г., которую также в определённой степени можно рассматривать как «манифест» Адамовича-публициста.

В эссе «Какой представляется нам проза (литература) будущего?» (1985 г.) автор видит перспективу для «военной» прозы 1980-х гг. в актуализации *антимилитаристской тенденции* и *экологической проблематики*: «Минувшая война <...> – кровоточащая рана нашей памяти, народной, исторической. Но и она, как и всё остальное, *эстетически исчерпаема*. <...> Другое дело, что эту тему подпитывает <...> неотступная *мысль о войне следующей* (совмещённая с мыслью *об экологическом крушении “космического корабля Земля”*)» [6, с. 410].

В эссе «Взрыв на вершине литературы» (1982–1984 гг.), «Додумывать до конца» (1984 г.), «Полемический ответ белорусским авторам» (1987 г.) и др. Алесь Адамович говорит об извечной склонности человека к насилию и приводит в качестве примера факты из «Повести временных лет». При этом, сопоставляя историческое прошлое («доядерные времена») и события 2 половины 20 в. («ядерная эра»), писатель приходит к выводу: «У *психологии ядерной эры* есть и своя специфика...» [5, с. 19]. Основой новой «психологии» автор мыслит пацифизм и «сомнения» в противовес милитаризму и «доктрине возмездия» [7, с. 48]: «От “*не убий*” – к *Не убий человечество!*» [8, с. 149]; «*генералы-пацифисты*» [5, с. 19]; «Мы живём в эпоху, когда *памятники ставить надо не решительным, а как раз сомневающимся*» [7, с. 47] и т. п.

В ряде эссе А. Адамовича – «Додумывать до конца», «Логика ядерной эры и литература» и др. – возникают характерные аналогии: образы прошедшей войны используются при моделировании мира будущего, находящегося под угрозой уничтожения. Так, атомная бомба представляется автору современным и более жестоким «аналогом» солдата фашистской армии: «*Бомба-фашист* тоже прежде всего к живым глазам потянется, если вспыхнет тысячами солнц. Ещё и настоящее солнце превратит в *подручного-полицая*, выжигающего, вырывающего глаза у всего живого» [5, с. 17]. Населённые пункты, которые могут быть уничтожены в результате ядерного взрыва, А. Адамович называет «хатынями»: «Ну а сегодняшние многомиллионные города, на которые нацелены, вот-вот готовые вырваться из шахт, из-под воды, сорваться с крыла самолёта, ракеты с ядерными боеголовками, что они такое, города земли, – не те же “амбары”, “избы”, где уже собраны люди, а стены уже облиты бензином, обложены соломой, и кто-то зажигалку держит... *Города-Хатыни!.. Страны-Хатыни!.. Континенты-Хатыни!..*» [5, с. 20] Геноцид 1940-х в «модели будущего» трансформируется во «всеобщий геноцид, *самогеноцид* человечества» («омнецид») [5, с. 21]: «...Хоронили женщину, умершую за день-два до родов... Могила приняла, поглотила не только жизнь матери, но и её продолжение. Подумалось: вот он, образ, *лик Мадонны “термоядерного варианта”* истории» [2, с. 30–31]. После взрыва на ЧАЭС в эссе А. Адамовича («Слово к атомщикам» 1988 г. и др.) актуальна также аналогия «жертвы войны – жертвы “мирного атома”»: «*Первые недели, месяцы Чернобыля* у нас в Белоруссии, как нигде, может быть, *напоминали 1941-й*. Прежде всего – горе и *растерянность матерей и детей, сорванных в беженство...*» [9, с. 115].

К указанной стилистической фигуре автор также прибегает, высказываясь на резонансные для эссеистики и публицистики 1980-х гг. темы сталинских репрессий и коллективизации («Клуб, или Рукописи горят» 1986 г., «Эти “неожиданные” Куропаты» 1988 г., «Десять сталинских ударов» 1988 г., «Как я был крепостником» 1989 г.). Трагизм ситуаций – немецко-фашистская оккупация и коллективизация, репрессии 1930-х гг. – демонстрируется автором через аналогии «жертва войны с чужими – жертва войны со своими», «“воевавший” – “сидевший”» [10, с. 598]. Так, например, в эссе «Эти “неожиданные” Куропаты» А. Адамович говорит о 82 репрессированных в посёлке Глуша как о «жертвах <...> антинародной войны диктатора» [11, с. 230], а в эссе «Десять сталинских ударов» называет репрессии «войной против собственного народа», «десятью сталинскими ударами по русской армии» [12, с. 232]. К слову, аналогия «немецко-фашистская оккупация – сталинские репрессии / раскулачивание», по мнению А. Адамовича (эссе «Как я был крепостником»), также обнаруживается в прозе В. Быкова 1980-х гг. («Знак беды», «Облава»): «...Перекличка с “Волчьей стаей”. На человека охотятся. Только в повести “Волчья стая” о той, с немцами войне, – на людей охотятся фашисты, а в повести о “кулаках” идут облавой на несчастного крестьянина свои, тоже ограбленные сталинской коллективизацией жители деревни» [13, с. 255].

Говоря о 1980-х гг. как времени поиска новых, актуальных способов создания художественной реальности, автор отмечает полярность двух наиболее перспективных подходов: «Если читать (писать), то неотразимо бьющий в цель “документ”, а если не его, то “Маркеса”!» («Ну так сделайте сверхлитературу!») [14, с. 328]. В результате «какая-то часть литературы тяготеет к документу» (т. н. «*новая документалистика*», «*писательская документалистика*»), а «другая, наоборот, отталкивается к противоположному полюсу» («всё более смелое сочинительство») [14, с. 325–326].

А. Адамович убеждён в оптимальном соответствии жанра «документа» потребностям эпохи и отмечает, что «*писательская документалистика*» – это именно та художественная форма, с помощью которой современный автор «военной» прозы способен быть максимально убедительным для читателя: «Можно, конечно, вывести её за рамки литературы художественной, нашу современную документалистику, но не останется ли тогда художественная с обломанным, укороченным крылом?..» [3, с. 273]. Художественный аспект «писательской документалистики», по мнению автора, очевиден, поскольку она «немыслима без участия интуиции, без чувства эстетической оценки документальных материалов, эстетического отбора, без психологического, эмоционального заострения произведения через монтаж, выстраивание сцен, рассказов, документов и т. п.» [14, с. 326]. Выбор корректного жанрового определения для «*писательской документалистики*» (в современном литературоведении – *нон-фикшн*) также один из проблемных вопросов. В эссе «Время живое» (1983 г.) А. Адамович говорит о «репортаже с места исторического события», «репортаже непосредственно из дня вчерашнего» [15, с. 237]. Однако в работе «Как быть гениальным» прежнее определение видится автору неактуальным: «Это не репортаж, не сборник свидетельств. Это именно проза. Писатель соединяет голоса в хор, создаёт ораторию» [16, с. 176–177]. «Этически-хоровая проза», «роман-оратория», «соборный роман», «магнитофонная литература» [15, с. 239] – поиск термина для нового художественного явления видится А. Адамовичу сложной литературоведческой задачей.

В прозе *нон-фикшн* о Великой Отечественной войне эссеист обнаруживает характерную «эволюцию»: от попытки зафиксировать «народную память» в целом – к сужению, локализации, фиксации памяти той или иной социальной группы (чьё видение событий отличается ракурсом от «всемирного»). Прежде всего это женский и детский взгляд: «Но обнаружилась и другого рода последовательность и преемственность. Хатынь – судьба деревни в тотальной войне – привела за собой в этот жанр <...> ленинградскую блокаду (судьба города), вместе они <...> прокладывали путь к книге о женщине на войне, и эта, в свою очередь, возвала к детской военной памяти» [16, с. 179]. В эссе «Война и деревня в современной литературе» также читаем: «...Нельзя не отметить постепенный сдвиг “фокуса”, *переакцентацию памяти* – в сторону женских и детских судеб в войне. А это означает и новый накал чувств и непривычную даже для “военной” прозы боль памяти» [1, с. 73].

Актуализация «детской» темы в «военной» прозе, по мнению А. Адамовича, может быть обусловлена рядом причин. Очевидно, что абсурдность войны с наибольшей остротой проявляется в художественном тексте через призму детского видения. «Этот приём не новый в литературе – увидеть войну глазами невоенного человека, через его восприятие рассказать об абсурдности и дикости этого нечеловеческого действия людей – убивать друг друга»

[15, с. 241]; «*Детскими (и женскими) глазами* смотрит наша литература сегодня на то, чего человеку вообще не видеть бы!» [1, с. 77], – отмечает А. Адамович в эссе «Война и деревня в современной литературе» и «Время живое». У популярности «детской» темы есть и внелитературная причина. К 1980-м гг. поколение «детей войны» осознаёт себя «последними свидетелями» событий 1940-х гг.: «*Молодая гвардия*» издаёт книгу «последних свидетелей» – воспоминания о минувшей войне тех, что тогда *были детьми*. За ними *живая память о войне уже обрывается*» («Как быть гениальным») [16, с. 175].

Таким образом, эссеистику А. Адамовича 1980-х гг. (сборники «Отвоевались!», «Выбери – жизнь»; книга «Ничего важнее: Современные проблемы военной прозы» и др.) правомерно рассматривать как цельный художественно-публицистический текст, комплекс суждений, выражающих гражданскую, литературоведческую и творческую позицию автора. Один из основных вопросов – художественные особенности и перспективы развития «военной» прозы. Говоря о задачах современной литературы, автор настаивает на приоритетности «в век ядерный» гуманистической функции искусства и необходимости осознания «личного писательского соучастия» [2, с. 36]. Современной «военной» прозе, по Адамовичу, необходима трансформация в «сверхлитературу», способную сформировать в сознании социума антимилитаристскую позицию и тем самым повлиять на исторический процесс. Среди художественных открытий автор выделяет т. н. «писательскую документалистику», которую считает одной из наиболее перспективных для современной «военной» прозы художественных форм.

Литература

1. Адамович, А.М. Война и деревня в современной литературе / А.М. Адамович // *Выбери – жизнь* : Лит. критика, публицистика. – Мн. : Маст. літ., 1986. – С. 3–190.
2. Адамович, А.М. Логика ядерной эры и литература / А.М. Адамович // *Отвоевались!*. – М. : Мол. Гвардия, 1990. – С. 30–38.
3. Адамович, А.М. Ничего важнее: Современные проблемы военной прозы / А.М. Адамович. – М., 1985. – 388 с.
4. Адамович, А.М. Overkill. Адекватна ли реакция / А.М. Адамович // *Выбери – жизнь*: Лит. критика, публицистика. – Мн. : Маст. літ., 1986. – С. 258–324.
5. Адамович, А.М. Додумывать до конца / А.М. Адамович // *Отвоевались!*. – М. : Мол. Гвардия, 1990. – С. 5–30.
6. Адамович, А.М. Какой представляется нам проза (литература) будущего? / А.М. Адамович // *Выбери – жизнь*: Лит. критика, публицистика. – Мн. : Маст. літ., 1986. – С. 407–414.
7. Адамович, А.М. Полемический ответ белорусским авторам / А.М. Адамович // *Отвоевались!*. – М. : Мол. Гвардия, 1990. – С. 45–48.
8. Адамович, А.М. Взрыв на вершине литературы / А.М. Адамович // *Отвоевались!*. – М. : Мол. Гвардия, 1990. – С. 127–156.
9. Адамович, А.М. Слово к атомщикам / А.М. Адамович // *Отвоевались!*. – М. : Мол. Гвардия, 1990. – С. 106–122.
10. Адамович, А.М. Клуб, или Рукописи горят / А.М. Адамович // *Хатынская повесть*. Каратели. Последняя пастораль: повести. – М. : Советский писатель, 1989. – С. 597–610.
11. Адамович, А.М. Эти «неожиданные» Куропаты / А.М. Адамович // *Отвоевались!*. – М. : Мол. Гвардия, 1990. – С. 225–231.
12. Адамович, А.М. Десять сталинских ударов / А.М. Адамович // *Отвоевались!*. – М. : Мол. Гвардия, 1990. – С. 232–234.
13. Адамович, А.М. Как я был крепостником / А.М. Адамович // *Отвоевались!*. – М. : Мол. Гвардия, 1990. – С. 251–255.
14. Адамович, А.М. Ну так сделайте сверхлитературу! / А.М. Адамович // *Выбери – жизнь*: Лит. критика, публицистика. – Мн. : Маст. літ., 1986. – С. 325–341.
15. Адамович, А.М. Время живое / А.М. Адамович // *Выбери – жизнь*: Лит. критика, публицистика. – Мн. : Маст. літ., 1986. – С. 220–257.
16. Адамович, А.М. Как быть гениальным / А.М. Адамович // *Отвоевались!*. – М. : Мол. Гвардия, 1990. – С. 175–184.